

Мусихин Г.И.¹

Консерватизм в поисках идентичности: от либертарианства к постмодернизму?

Аннотация. Автор утверждает, что заимствование консерватизмом либертарианского инструментария в начале XXI века себя исчерпало. Сейчас для консерватизма теоретический вызов представляет влияние постмодернизма. Взаимодействию постмодернистской философии и идеологии консерватизма уделяется мало внимания, хотя сходство между консерватизмом и постмодернизмом в критическом отношении к «рационалистическим» идеологическим конструкциям лежит на поверхности. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей взаимоотношений консерватизма и постмодернизма. В статье обозначены как сходные, так и антагонистические моменты во взглядах постмодернистов и консерваторов. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день полноценный синтез постмодернизма и консерватизма маловероятен, т.к. очевидное теоретическое сходство блокируется не менее очевидными политическими различиями между консервативным традиционализмом и постмодернистским новаторством.

Ключевые слова: консерватизм, либертарианство, неоконсерватизм, постмодернизм, идеология, политическая теория, рационализм, антирационализм

УДК 93(430)

Abstract. The aim of this article is to examine the features of the relationship of conservatism and postmodernism. The article identified as similar and antagonistic points of views of postmodernists and conservatives, analyzed the causes of these complex relationships. The author concludes, at the moment a complete synthesis of postmodernism and conservatism is unlikely, because obvious theoretical similarity blocked no less obvious political differences between conservative traditionalism and post-modern innovation.

Keywords: conservatism, libertarianism, neoconservatism, postmodernism, ideology, the political theory, rationalism, antirationalism.

Либертарианский инструментарий, но не либеральные ценности

Когда в конце 1970-х экономическая политика государства благоденствия зашла в тупик, ведущие страны запада накрыла «консервативная волна». Консерваторы не только стали повсеместно теснить левых у власти, они завладели идеологической инициативой. Однако парадокс был в том, что в

¹ Мусихин Глеб Иванович - доктор политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; НИУ ВШЭ (e-mail: gmusikhin@hse.ru)

то время их риторика была фактически *либеральной*. При этом консерваторы конечно же *не стали либералами*.

Современный консерватизм всех видов объединяет (и принципиально отличает от либерализма) утверждение, что различия между людьми более важны, чем сходства. В этих различиях консерватизм начала 1980-х годов увидел решение социальных и экономических проблем: из-за различий в человеческих потребностях и способностях общество лучше всего сохранится при максимальной индивидуальной свободе. В экономической сфере это наиболее соответствует реальности свободного рынка. Фактически консерватизм конца XX века взял на вооружение либертарианскую доктрину Фридриха фон Хайека.

Поэтому у консерватизма рубежа тысячелетий очень много от классического либерализма. Принципиальное значение имеют различающиеся смысловые акценты. Если либерализм акцентирует внимание на *правовом равенстве* индивидов, то либертарианский консерватизм главный акцент делает на *индивидуальных различиях*, которые имеют моральные и экономические последствия.

У либертарианского консерватизма есть характерная для классического либерализма установка на индивидуальную свободу, но без гуманистического пафоса защиты прав человека. Для классического либерализма имущественное неравенство – неизбежное зло, которое нужно терпеть во имя идеалов свободы и прав человека. Для либертарианского консерватизма неравенство – просто следствие индивидуальных различий. Как итог: Для либерализма свобода – главная ценность. Для либертарианского консерватизма свобода – инструмент урегулирования различий.

В таком либертарианском «обличье» консерватизм успешно просуществовал около 30-ти лет. Однако второе десятилетие XXI века все яснее демонстрирует, что либертарианский инструментарий консерватизма устареваает. Консерваторов во многом спасает только идеологическая катастрофа умеренных левых. Имя этой катастрофе «третий путь»². Но доктринальные неудачи левых не освобождают консерваторов от поиска собственной идентичности в новых условиях.

Постмодернистский консерватизм?

Взаимоотношениям консерватизма и постмодернизма уделяется не так много внимания, как того требует лежащая на поверхности общность обоих направлений, выражающаяся в *бескомпромиссной критике рационализма, как идеологической (консерватизм) или дисциплинарной (постмодернизм) тенденциозности*. Хотя то, что мы обозначили данное сходство разными терминами, не случайно и свидетельствует и о существенных различиях между консерватизмом и постмодернизмом.

---

² Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998.

Недостаток внимания к выше обозначенной параллели тем более удивителен, что она сопряжена с очевидным историческим парадоксом: *антирационалистическая* критика консерватизма, разворачивавшаяся более чем два века назад, оценивалась как *реакционная* (реставрационная/романтическая), а критикуемые оппоненты провозглашались радикалами и революционерами, порожденными «химерами» философии Просвещения. Если же говорить о современной постмодернистской *критике проекта Модерна*, родившегося из рационализма Просвещения, то она воспринимается не иначе, как критика *радикальная*, хотя по своим приемам очень *похожа на консервативный иррационализм*.

Однако ни сторонники постмодернизма, ни носители консервативных идей не уделяли этому парадоксальному факту сколь-нибудь заметного внимания. Более того, консервативные авторы часто демонстрировали свою неприязнь к идеям постмодернизма (а как еще консерватор может относиться к радикализму). Хотя на рубеже тысячелетий позиции консерватизма и постмодернизма так близко подошли друг к другу, что впору было задуматься о феномене «*постмодернистского консерватизма*». И тем более примечательно, что такого феномена не возникло.

Постмодернистская позиция демонстрирует недвусмысленный скептицизм по отношению к тому общему пониманию человека и общества, которое стало следствием стремления эпохи Просвещения трактовать действительность на основе объективности (или системной субъективности), разумности и универсальности. Отказ от амбиций *тотальной просвещенческой мета-идеологии* сопровождался для постмодернизма сосредоточением на «малых нарративах»³ с неизбежным возрастанием относительности, неопределенности и непредопределенности результатов в исследованиях. Идея о том, что явления обладают определенной сущностью, была объявлена рационалистическим (в некоторых интерпретациях – позитивистским) гносеологическим допущением, сделанным для того, чтобы объективное определение истины в реальном мире стало достижимым. А если нет никакой объективной реальности, доступной для понимания, необходимо сосредоточиться на «гибких сетях языковых игр»⁴, которые воплощают субъективные интерпретации мира индивидами. Таким образом, *интеллектуальная программа постмодерна была проектом борьбы с «рационалистическим фундаментализмом»* через деконструкцию и децентрализацию субъективности.

Даже такого поверхностного взгляда на идеи постмодернизма достаточно, чтобы обнаружить их сходство с консервативной критикой рационалистического оптимизма. И *в условиях почти синхронного распространения постмодернизма и отступления традиционных левых идеологий можно было бы ожидать плодотворного синтеза постмодернистских принципов и консервативных идей*. Однако в действительности ничего подобного не наблюдается. Современная консервативная мысль либо вообще

³ Lyotard J. The Postmodern Condition. Manchester: Manchester University Press, 1984, p. 60.

⁴ Lyotard, *ibid.*, p. 17.

игнорирует постмодернизм, либо относится к нему открыто враждебно, представляя в поистине диалектическом виде анти-анти-рационализма и иллюстрируя гегелевский закон отрицания отрицания.

В этой связи представляют особый интерес взгляды раннего Даниела Белла, который был одним из немногих консервативных авторов, непосредственно выступивших против постмодернизма. По мнению Белла постмодернизм следует рассматривать как продукт культурной революции 1960-х годов и одновременно как продолжение основной линии модернизма⁵, который характеризовался особой «культурной чувствительностью», состоявшей в отказе признавать ограничения и одновременной жажде непрерывных перемен. Подобный модернистский дух с точки зрения Белла, несет ответственность за подрыв традиционных нравственных и социальных ценностей на рубеже XIX – XX веков. Отличие же постмодернизма состояло в том, что он еще радикальнее и тотальнее был настроен в своей борьбе с традиционализмом. Если модернистский радикальный антитрадиционализм ограничивался сферами искусства и воображения, то постмодернизм поставил под сомнение весь общественный порядок и нравственность. Кроме того, если истинный модернизм оставался делом достаточно элитарным, то постмодернизм, взрывая все границы, понес контркультурный пафос в массы.

Нужно отметить, что собственно интеллектуальные конструкции постмодернизма не вызывали ненависти у консерваторов, скорее иронию по поводу завышенной значимости «странных и заумных» теорий, которые всегда были популярны у интеллектуалов⁶. Угрозу консерваторы видели в том, что эти постмодернистские идеи служат определенным политическим целям, т.к. политизируют сферы образования и культуры.

По мнению Джона О’Салливана данная деструктивная политизация вырвалась за академические стены, превращая личность в сумму частных и лишая ее (личность) универсальных оснований, подобная идентификация по расе, гендеру или сексуальной ориентации имеет разрушительные последствия для общества⁷. Это ведет к текучести идентификации, что подрывает основы сильных и стабильных обществ, создавая уродливые формы социальной мимикрии, когда чуждое содержание имитирует традиционные формы, например понятие гей-семьи, которое ставит под угрозу уникальный и привилегированный статус семьи традиционной.

Иными словами, консерваторы возлагают на постмодернизм ответственность за все: от опасных изменений в образовании до распада семьи. Однако самое парадоксальное в консервативной критике постмодернизма состоит в том, что охранители осуществляют свои атаки как защитники разума, универсализма и объективности, а это значит *консерваторы выступают защитниками принципов Просвещения*, т.е. того самого Просвещения, которое было смертельным врагом консервативной

⁵ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York: Basic Books, 1976, pp. 46–54.

⁶ D’Souza D. Illiberal Education. New York: Free Press, 1991, p. 182.

⁷ O’Sullivan J. Conservatism and cultural identity // Conservative Realism, ed. by K. Minogue. London: HarperCollins, 1996, pp. 23–43.

идеологии с момента ее возникновения. Это провоцирует вопрос: *а не имеет ли место кризис идеологической самоидентификации консерватизма?* Если мы признаем, что консерватизм защищает идеалы Просвещения от постмодернизма, но при этом видит прямую преемственность между Модерном и Постмодерном, то мы должны будем констатировать тяжелую форму *«идеологической шизофрении»* современной консервативной мысли.

В ситуации, когда многие консервативные авторы самозабвенно бросаются в бой на защиту принципов рационализма, вполне уместен вопрос о том, как быть с собственно консервативным наследием, кто защитит его? Ведь *консерватизм, полностью оторвавшийся от своих антирационалистических корней, выглядит довольно нелепо.* В этой связи можно вернуться к вопросу, поставленному ранее: могут ли консерваторы воспринимать постмодернистов не как смертельных врагов, а как ценных союзников?

Некоторые структурные параллели между постмодернистским и консервативным мышлением действительно обнаруживаются. В свое время Юрген Хабермас это отметил, заявив, что *неоконсервативные обвинения культуры, как источника экономических и политических бед, напоминают постмодернистскую логику социальной причинности*⁸. Выделяя моральную распущенность как виновницу экономической и политической нестабильности, многие консерваторы, сами того не осознавая, вторят постмодернистскому идеализму, который искал объяснения экономическим и политическим событиям в области культуры.

При этом даже у такого последовательного консерватора-традиционалиста, как Скрутон, можно обнаружить вольные или невольные заимствования постмодернистского аналитического инструментария. Особенно ценным для нас является не то, что Скрутон критикует наследие Просвещения (для традиционалиста это естественно), а то, каким образом разворачивается его критика. В его аргументации обнаруживаются явные признаки *социального конструктивизма*, т.к. по его мнению *«человеческий мир является социальным и социально сконструированным»*⁹. В этом смысле собственные взгляды Скрутона вполне укладываются в *релятивистскую тенденцию постмодернизма* в том, что индивидуальный либеральный монолог от первого лица с его презумпцией рациональных автономных индивидов должен быть серьезно дополнен перспективой третьего лица¹⁰.

Оказывается, что современная консервативная мысль очень близка постмодернизму в своей предрасположенности к дисперсной и фрагментарной социальной философии. В результате современный консерватизм сформулировал собственный дискурс идентичности, основанный на акцентировании различий. При этом делаются попытки привлечь данные современной науки для того,

⁸ Habermas J. Modernity—an incomplete project // Postmodern Culture. Ed. by Foster H. London: Pluto Press, 1985, pp. 6–8.

⁹ Scruton R. Modern Philosophy. London: Sinclair-Stevenson, 1994, p. 495.

¹⁰ Scruton R. The Meaning of Conservatism, 2nd edn. Basingstoke: Macmillan, 1984, pp. 192-203.

чтобы доказать обоснованность различий в человеческом интеллекте (в том числе и на расовой основе)¹¹. Можно сказать, что консерватизм, *отрицая мультикультурализм, защищает его под другим именем этноцентризма*, считая, что этнический признак ведет к неустранимым культурным различиям.

Выше отмеченное не означает, что Скрутон признает сходство между постмодернизмом и консерватизмом (на самом деле Скрутон отождествляет постмодернизм с модернизмом), однако собственные слова Скрутона свидетельствуют, что *постмодернизм приближается к консерватизму ближе, чем хотелось бы последнему*.

И наконец, следует обратиться к авторам, которые непосредственно видели возможность синтеза консерватизма и постмодернизма. Это прежде всего Ноэл О'Салливан и Джон Грей. Последний на протяжении многих лет пытался обосновать существование *«постмодернистского либерального консерватизма»*. Для Грея наиболее родственным постмодернистским автором был Рорти с его историцистской концепцией постмодернистского буржуазного либерализма, как философского мировоззрения, отвечающего потребностям постмодернистского фрагментированного общества¹². Грей исходил из того, что либерализм как претензия на общезначимое рационально универсализированное понимание мира продемонстрировал свою несостоятельность, как сам по себе, так и будучи заимствованным коммунизмом и новыми правами. Однако в качестве исторической практики либерализм вполне востребован как специфический западный артефакт. Тем самым можно обосновать жизнеспособную *«форму постмодернистского индивидуализма, осознающего свои исторические особенности»*¹³.

Поэтому консерватизм оказывается необходимо востребованным в такой постмодернистской философии. Именно *консерватизм несет в себе осознание локальности и ограниченности нашего индивидуального опыта*, обуздывая универсалистские притязания либерализма. Т.е. значение консерватизма в *«исправлении иллюзии о том, кто мы есть, вернее – кем мы никогда не можем быть: ... свободными суверенными субъектами, дистанцированными от всех социальных конвенций и традиционного наследия»*¹⁴.

Хотя следует отметить, что Грей критически относился к «чистому» традиционалистскому консерватизму, т.к. последний предъявляет к многообразной современной действительности слишком жесткие культурные требования, по сути являющиеся долженствованием, а не ссылкой на историческую традиционную данность. И здесь Грею уже нужен либерализм, который позволяет консерватизму стать адекватной философией фрагментарной постсовременности.

¹¹ См. например: Murray C. and Herrnstein R.J. The Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life. New York: Free Press, 1994.

¹² Gray J. Post-Liberalism. London: Routledge, 1993, p. viii.

¹³ Gray, *ibid.*, p. 259.

¹⁴ Gray, *ibid.*, p. 262.

Что касается О'Салливана, то он находил в постмодернизме «следы» консервативной мысли, которая существовала задолго до появления постмодернизма. О'Салливан, являясь автором *определения консерватизма как философии несовершенства*, продвигал идею «ограниченного стиля политики»¹⁵. Именно поэтому в ситуации всеобщего недовольства универсальной западной гуманистической традицией, постмодернизм оказался наиболее подходящей идейной конструкцией для защиты такого стиля¹⁶.

Не случайно О'Салливан концентрирует внимание на деконструкции представлений постмодернизма о собственной (постмодернизма) ценности, называя эту саморепрезентацию «философией скромности»¹⁷. Данная «скромность» включает в себя три компонента: во-первых, децентрализация космоса как бытия, где случайность признается частью естественного течения жизни, во-вторых, отрицание идеи абсолютного знания и в-третьих, отказ от европоцентризма, провозглашавшего универсальный характер западных ценностей.

Так же, как и Грей, О'Салливан далек от мысли отказаться от ценностей и институтов западного либерализма, он только настаивает на том, что эти ценности и институты не имеют универсального, «фундаменталистского» характера¹⁸. Поэтому в качестве способа объяснения общественных ассоциаций и диссоциаций он выбирает гоббсовскую (а не локковскую) логику общественного развития, которая, по его мнению, наиболее отвечает реалиям постмодернистского плюрализма. При этом О'Салливан вступает в прямую полемику с консервативными критиками постмодернизма, обвиняя их ни много ни мало в антиконсерватизме, т.к. отстаивая необходимость общих культурных норм в борьбе с релятивизмом, *новые правые и радикальные традиционалисты «слишком много требуют от политики»*, чего истинные консерваторы себе никогда не позволяли¹⁹. Поэтому современные консерваторы должны почерпнуть новые интеллектуальные силы в «скромной» постмодернистской философии, не столько потому, что данная философия так хороша, сколько из-за того, что данная философия соответствует собственно консервативной интеллектуальной традиции.

Примечательно, что «скромная» постмодернистская философия перекликается с современной христианской демократией. Последняя есть компромисс в широком смысле этого слова, т.к. слабость и *ущербность* человеческой природы имеет и *положительные* последствия для политики: делает человека *не только склонным к греху, но и склонным к компромиссу*.

* * *

¹⁵ O'Sullivan N. Conservatism. London: J. M. Dent, 1976, pp. 11–12.

¹⁶ O'Sullivan N. Political integration, the limited state and the philosophy of postmodernism // Political Studies. 1993. № 41, p. 22.

¹⁷ O'Sullivan, *ibid.*, pp. 31–34.

¹⁸ O'Sullivan, *ibid.*, p. 35.

¹⁹ O'Sullivan N. The new right: the quest for a civil philosophy in Europe and America // The Nature of the Right. Ed. by Eatwell R. and O'Sullivan N. London: Pinter Publishers, 1989, p. 180.

Таким образом, хотя теоретическое сходство между постмодернистской философией и консервативным способом мышления очевидно, возможность прочного практического (т.е. ценностно-политического) союза между консерватизмом и постмодернизмом весьма ограничена вследствие практических политических и культурных последствий постмодернистской пропаганды. *Консервативные мыслители враждебно относятся не столько к теоретическим конструкциям постмодернизма, сколько к тому общественному и политическому резонансу, который получили идеи постмодернистов.*

Хотя тема несовершенства человека и ограниченности рационализма составляет значительную часть консервативного взгляда на мир, для консерватизма как идеологии принципиальным вопросом остается необходимость поддержания и сохранения общественного и политического порядка. И последнее есть камень преткновения, делающий постмодернизм с его деконструкцией Современности одним из главных врагов для многих (хотя и не всех) консервативных мыслителей. *Для консерватора недопустима чистая постмодернистская проблематизация политической и культурной перспективы без способов поддержания моральных устоев.*

Наверное, время для глубокого синтеза консерватизма и постмодернизма еще не настало. Это не означает, что подобный синтез невозможен в принципе, если вспомнить, что современный консерватизм не чужд риторике Просвещения (своего исторического и идеологического противника), которая используется для защиты культурных устоев современного общества.

БИБЛИОГРАФИЯ (BIBLIOGRAPHY):

1. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York: Basic Books, 1976.
2. D'Souza D. Illiberal Education. New York: Free Press, 1991.
3. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998.
4. Gray J. Post-Liberalism. London: Routledge, 1993.
5. Habermas J. Modernity—an incomplete project // Postmodern Culture. Ed. by Foster H. London: Pluto Press, 1985, p. 6-16.
6. Lyotard J. The Postmodern Condition. Manchester: Manchester University Press, 1984, p. 60.
7. Murray C. and Herrnstein R.J. The Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life. New York: Free Press, 1994.
8. O'Sullivan N. Conservatism. London: J. M. Dent, 1976.
9. O'Sullivan J. Conservatism and cultural identity // Conservative Realism, ed. by K. Minogue. London: HarperCollins, 1996, p. 23-43.
10. O'Sullivan N. Political integration, the limited state and the philosophy of postmodernism // Political Studies. 1993. № 41, p. 22-42.
11. O'Sullivan N. The new right: the quest for a civil philosophy in Europe and America // The Nature of the Right. Ed. by Eatwell R. and O'Sullivan N. London: Pinter Publishers, 1989, p. 179-190.
12. Scruton R. Modern Philosophy. London: Sinclair-Stevenson, 1994.
13. Scruton R. The Meaning of Conservatism. Basingstoke: Macmillan, 1984.